РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: РОЛЬ САМООРГАНИЗАЦИИ

Кочарян Б.Г.

В центре внимания современной социологии оказалась проблема самоорганизации, предполагающая новые подходы и в теории и методологии. Но данная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, что связано с развитием современных форм предпринимательства, возникновением новых типов рациональности и иррациональности, в частности, макдональдизации. По мнению автора, эффективность развития предпринимательства в значительной степени связана с формированием общественно значимых форм самоорганизации, а также нахождением оптимального соотношения между самоорганизацией и новыми типами рациональности, что особенно значимо в контексте программы модернизации страны, выдвинутой Президентом России Д.А. Медведевым.

В XXI веке толерантность становится важнейшим императивом развития мирового сообщества. Министр иностранных дел России С.В. Лавров, в частности, отмечал: «Мы придаем важное значение диалогу религий и культур, воспитанию молодежи в духе толерантности и уважения к духовным и культурным традициям других народов»[1]. Ученые МГИМО уделяют значительное внимание изучению современных проблем толерантности в различных сферах общественной жизни и областях международных связей[2]. При этом особую значимость обретают межличностные взаимоотношения, социальные практики учебной жизнедеятельности, формируемые в условиях повседневного общения студентов.

На уровне повседневности толерантность, как правило, отождествляется с терпимостью к иного рода взглядам, нравам, привычкам. В таком качестве она необходима по отношению к социокультурным особенностям представителей различных этносов и религий, в связи с чем социологи обычно выделяют два ее основных вида: межэтническую и межконфессиональную толерантности. Однако применительно к дипломатической сфере, сведение проблемы толерантности только лишь к уровню терпимости, точно так же, как и ее рассмотрение сквозь призму этнических и конфессиональных аспектов проявления, на наш взгляд, было бы *крайне недостаточным*.

Мы считаем, что толерантность является *атрибутивной* сущностью дипломатии: «нетолерантный дипломат» – это профессионально непригодный дипломат»[3]. В связи с этим становится актуальным выделение различных видов[4] и уровней толерантности, адекватных усложняющимся процессам культурного многообразия в условиях глобализации.

Исходя из того, что толерантность является *нормативной заданной моделью* в процессе подготовки будущих специалистов-международников, важно, прежде всего, выделить те ее виды, которые можно было бы рассматривать как *базовые*, и эмпирически определить те уровни толерантности, которые являются модальными и устойчивыми, и, следовательно, также могут рассматриваться как базовые.

Несомненно, что первичным фактором формирования толерантности студентов является их *повседневная учебная жизнедеятельность*, постоянно воспроизводимое общение с представителями различных этносов, конфессий, мировоззренческих позиций. Взаимодействие студентов в процессе повседневной учебной жизнедеятельности может строиться как на основе чувств товарищества и сплоченности, так и на основе конкуренции и обособленности по различным признакам. На основе этих весьма сложных взаимоотношений формируется / не формируется прежде всего *коммуникативная толерантность*, которая в свою очередь становится фактором *укрепле-*

Кочарян Белла Гаруновна – аспирант Кафедры социологии МГИМО (У) МИД России, e-mail: sociol@mgimo.ru.

ния или *ослабления* других видов толерантности: межэтнической, межконфессиональной, политической и других ее возможных видов. Предполагается, что именно *коммуникативная толерантность*, сформированная в процессе межличностного общения между представителями различных этносов, конфессий, политических взглядов, является надежной основой для формирования и укрепления толерантности в целом.

Коммуникативную толерантность можно рассматривать как наиболее выраженный и значимый для большинства будущих специалистов-международников вид социальных отношений, проявляющихся в межличностных взаимоотношениях, сложившихся нормах и практиках повседневной учебной жизнедеятельности и коллективных идентификациях. Толерантность в общении предполагает не только терпимость к другому человеку, но и уважение, эмпатию, доброту, переходящие в полноценное культурное взаимодействие. Толерантность – это прежде всего уважение к иной культуре.

В узком смысле *коммуникативная толерантность* определяется как *многоуровневое взаимодействие* контрагентов, на каждом из которых происходит или не происходит формирование определенного типа толерантности. Уровни коммуникативной толерантности необходимо выделять потому, что социологическое исследование всегда направлено на выявление показателей, стремящихся учитывать даже *нюансы различий* проявления исследуемого феномена с их последующей эмпирической верификацией на основе измерения. Поэтому рассмотрение толерантности только с позиций дихотомии, терпимости – нетерпимости к другому человеку, как правило, выступающего в роли «чужака», в процессе возможных коммуникаций было бы весьма грубым инструментом измерения. Заметим, что проблема коммуникации с «чужаками» не нова. Ею активно занимались такие социологи как Р. Парк, Г. Зиммель, А. Шюц и др., отмечавшие суть «чужака» в единстве близости и удаленности. Так, А. Шюц под «чужаком» понимал индивида, «пытающегося добиться постоянного признания или, по крайней мере, терпимого к себе отношения со стороны группы, с которой он сближается»[5]. С учетом сказанного гипотетически можно выделить следующие уровни проявления коммуникативной толерантности:

1) *активное осуждение*, требование применения к культурному иному *репрессивных мер*;

2) *осуждение*, выступление за общественный запрет «чуждого», *но без применения репрессивных мер*;

3) *терпимость*, т.е. способность подавлять в себе реакции негативизма по отношению ко всему культурно «чуждому» (чужому мнению, традициям, образцам поведения, чужим привычкам, словом, к иной культуре в целом);

4) *безразличное* отношение к «чуждому», «иному»;

5) *неприятие «чуждого»*, как несовместимого с моей культурой, но уважительное отношение к его носителям;

6) *практическое уважение*, т.е. рассмотрение другого мнения как уместного, имеющего место быть наряду с другими, признание права на его достойное представление в обществе;

7) *эмпатия*, т.е. не только уважительное отношение к «чужакам», иному мнению, но и попытка стать на сторону другого и посмотреть на свои действия с его позиции, готовность на этой основе к взаимодействию;

8) *доброта*, т.е. попытка не только понять «чуждое» мнение, но и готовность в случае необходимости принять другую позицию. Но при этом взаимодействие с другими осуществляется не на равных, а с позиций некоторого превосходства, сочувствия другому как более «слабому, низшему»;

9) *общение и взаимодействие* с культурно другими, как правило, *на равных*.

В интересах создания практически работающего инструментария, а также с учетом особенностей повседневной учебной жизнедеятельности студентов в исследовании были выделены пять основных уровней коммуникативной толерантности: терпимость, уважение, эмпатия, доброта, общение (Табл. 1.). При операционализации уровней толерантности использовалось также понятие *коммуникативной интолерантности*, т.е. отстаивание своей позиции при негативной оценке другого мнения.

Таблица 1. Интерпретация уровней коммуникативной толерантности.

Рассмотрение уровней проявления коммуникативной толерантности показало, что модальным группам студентов (53% в 2002 г. и 46% в 2007 г.)[6] свойственна позиция *эмпатии*. При ответе на вопрос: «Что Вы обычно делаете, когда сталкиваетесь с чуждым для себя мнением» они выбирали ответ «стараюсь понять и делаю попытки к взаимодействию». Данный уровень толерантности в большей мере характерен для юношей, чем девушек. Уважение к другому мнению, позиции, но без явных попыток к взаимодействию демонстрирует примерно каждый четвертый студент. Приблизительно один из десяти опрошенных

придерживается позиции доброты в отношении к чужому мнению, выражая готовность при необходимости принять другую точку зрения. Такой уровень толерантности, по сути, означает умаление собственной позиции. Возможно, поэтому так невелико число его сторонников среди студентов, готовящихся к дипломатической карьере (Табл. 2).

Таблица 2. Уровни толерантности студентов в коммуникативных взаимодействиях в зависимости от года опроса (% от числа опрошенных).

По сравнению с 2002 г. заметно вырос уровень интолерантных установок на взаимодействие с другими, и такие установки в большей мере свойственны старшекурсникам. На четвертом году обучения студенты более четко отстаивают свою позицию и дают негативную оценку другому мнению (с 17% на первом курсе до 27% на четвертом). Возможно, что это является следствием учебного процесса, нацеленного на формирование достаточно выверенных профессиональных позиций. Однако *по отношению к процессам межличностного взаимодействия в студенческой среде*, такая позиция интерпретируется нами как *интолерантная*. По результатам корреляционного анализа выявлено, что в большей мере ее росту способствуют придание большей значимости прагматическим ценностям выбранной профессии, таких как карьерный рост, независимость мышления.

Таким образом, *уровень эмпатии* в межличностном общении, являющийся модальным и устойчивым по отношению к различным годам опроса, следует рассматривать как *базовый* уровень коммуникативной толерантности, характерный для будущих специалистов-международников. Понять другого, сделать возможные попытки к взаимодействию, но при этом *сохранить верность собственной позиции, собственным ценностям и нормам* – это адекватный индикатор современной культуры дипломатии, устойчиво воспроизводимый модальной группой студентов в среде будущих специалистов-международников.

Сходная тенденция была зафиксирована и по ответам на другой вопрос, уточняющий возможные позиции контрагентов в спорной ситуации (Табл. 3).

Таблица 3. Уровни коммуникативной толерантности студентов в спорной ситуации межличностных взаимодействий в зависимости от года опроса (% от числа опрошенных)

Половина студентов в 2007 г. были уверены в правоте своей позиции в любой спорной ситуации и готовы были спорить до тех пор, пока оппоненты с ними не согласятся. В 2003 г. такой позиции придерживалось лишь немногим более 1/3 студентов. Вместе с тем, к 2007 г. возросла доля студентов, готовых расстаться со своей позицией при наличии мало-мальски пригодного решения спорного вопроса (с 24 в 2002 г. до 32% в 2007 г). И те, и другие ответы могут быть проинтерпретированы как интолерантные по отношению к нормативному статусу студента как будущего специалиста международника. В первом случае уход от толерантности происходит в силу чрезмерного возвышения своей позиции, во втором – готовности легко расстаться с ней. Собственно толерантные позиции: «стремление к компромиссу, достижению цели путем взаимных уступок» и «стремление к консенсусу, согласованию различных точек зрения», которые в сумме набрали в 2007 г. 17%, что почти в 2 раза меньше, чем в 2002 г.

Как чрезмерное возвышение своей позиции, так и готовность легко расстаться с ней рассматриваются нами как тенденции, свидетельствующие об уменьшении толерантности.

На более конкретном уровне исследования коммуникативной толерантности важно определить основные факторы, препятствующие оптимизации межличностных взаимоотношений, прежде всего между товарищами по учебе.

Межличностные взаимоотношения[7]

Отражением высокой значимости ценности общения в процессе учебы являются ориентации студентов на налаживание *хороших отношений с товарищами по учебе*.

Если разделить ценности учебы на две группы: 1) *инструментально-профессионального характера*: получать хорошие знания и оценки, личное самосовершенствование, гарантии не быть отчисленным и 2) *коммуникативные*: хорошие отношения с товарищами по учебе, с преподавателями, полезные знакомства, приносящее удовлетворение времяпрепровождение в университете, то следует признать, что по уровню значимости коммуникативные ценности лишь весьма незначительно уступают инструментально-профессиональным.

Хорошие отношения с товарищами по учебе входят в ядро главных ценностей, связанных с учебой в МГИМО, а в динамике заметно увеличение их удельного веса с примерно 1/3 в 2001 г. до половины от числа всех опрошенных в 2004 г. На возможности Университета для налаживания полезных знакомств указывал, примерно, каждый пятый студент в каждом из двух годов опроса. Налаживание хороших отношений с преподавате-

лями значимо лишь для каждого десятого из числа опрошенных.

Что же может скрываться за высоким уровнем ценностных ориентаций студентов на хорошие отношения с товарищами по учебе, что определяет их явно возросшую ценность? Что больше, а что меньше устраивает студентов в межличностных отношениях, какие социальные явления скрываются за такими отношениями?

Как выяснилось из анализа, только примерно третью часть студентов все устраивает во взаимоотношениях с товарищами по учебе. Это означает, что эта весьма значимая для большинства ценность, связанная с учебой, не отвечает ожиданиям студентов. Среди тех сторон взаимоотношений с товарищами по учебе, которые больше всего вызывают неудовлетворенность оказались приблизительно равнозначными по наполненности и близкими по смыслу ответы, указывающие на индивидуализм коллег, их заносчивость и высокомерие (одна треть) и то, что каждый придерживается позиции «сам за себя» (32% в2001 г. и 25% в 2004 г.). Подчеркиваемая в межличностных коммуникациях *заносчивость и высокомерность*, ярко выраженный *индивидуализм* расходятся с традициями студенческого братства и справедливо рассматриваются большинством студентом как нетерпимые, а значит нетолерантные позиции в повседневном общении. К такого рода ответам примыкают и те, которые указывают на отсутствие общих интересов, поддержки со стороны товарищей по учебе, конкуренцию в учебе. То есть, в целом набирается еще 30% студентов, так или иначе недовольных различными формами проявления индивидуализма в процессе межличностных взаимоотношений. Наличие конкуренции в учебе, как фактора, вызывающего определенную неудовлетворенность в межличностном общении, подчеркивал каждый десятый студент в 2001 г. и 13% в 2004 г. Поскольку введение рейтинговой системы оценок предполагает укрепление нормативной модели индивидуальной конкуренции за более высокие баллы, то рост неудовлетворенности конкуренцией в учебе, по нашему мнению, следует рассматривать как демонстрацию интолерантной позиции студентов.

Отношение к различным социальным нормам и практикам, сложившимся в повседневной учебной деятельности

В процессе повседневной учебной деятельности устанавливаются и закрепляются различные практики, которые затем воспроизводятся с той или иной степенью устойчивости. По критерию «распространенность и характерность для большинства либо меньшинства, положительного или отрицательного отношения к ним со стороны студентов» все *практики* можно разделить на *массовые*, в которых участвует большинство, и более половины студентов относятся к ним терпимо (либо даже рассматривают их как помогающие в повседневной учебной жизни) и *специфические* – у студентов; при этом данные практики раздражают большинство. Исходя из эмпирических замеров распространенности данных практик среди студентов МГИМО, были выделены основные группы таких практик (Табл. 4).

Таблица 4. Уровни терпимости к практикам взаимодействия в студенческой среде в зависимости от года опроса (индексы: минимальное значение – 1, максимальное – 3; где 1 – раздражающая практика, 2 – практика, вызывающая терпимое отношение, 3 – помогающая).

Штурм экзамена в 3—5 дней сессии – та практика, которая по-прежнему вызывает не только терпимость со стороны массовых групп студентов (терпимо относились к ней 43% в 2002 г. и 36% в 2007 г.), но активно используется (37% в 2002 г., 50% в 2007 г.). К сожалению, она оказалась не преодоленной под влиянием рейтингового контроля за успеваемостью в учебе. Более того, наметился рост числа тех студентов (до половины от всего состава опрошенных в 2007 г.), которым она помогает справиться с функциональными требованиями, что показывает ее новый уровень востребованности и может рассматриваться нами как *толерантность со знаком минус*. Данный феномен требует постановки новых исследовательских задач по выявлению того, что же все-таки реально способствует повышению ритмичности в учебе и может ли ритмичность быть обеспечена уже сложившимися технологиями рейтингового контроля. Возможно, здесь дело не столько в контроле, сколько в росте мотивации к учебе, адекватной реакции студентов на завышенный уровень перегруженности учебных программ. Нельзя не принимать во внимание и сложившиеся укоренившиеся культурные традиции, выражающиеся в специфическом отношении к учебе российских студентов.

Исследование показывает, что положительное отношение к практике штурма возрастает с каждым последующим курсом обучения. Максимальное значение оно принимает у студентов старшекурсников, имеющих помимо учебы регулярную оплачиваемую работу. Уровень поддержки данной практики в таком случае доходит до 2/3 от числа опрошенных как в 2002 г., так и в 2007 г.

К числу других укоренившихся практик в повседневной учебной деятельности относится использование *шпаргалок на экзаменах*. Известно, что списывание или «читинг» как устойчивая культурная традиция обучения школьников и студентов имеет многовековую историю, начало которой берет еще в средневековом Китае. Именно там в VI в. при династии Суй были «изобретены» государственные экзамены – письменная проверка знаний и навыков. В эпоху Нового времени, когда регулярная проверка знаний учащихся в форме экзаменов / зачетов стала институциональным элементом образовательных систем стран Европы, списывание стало постоянным феноменом, сопровождающим институт образования. Ныне, по мере развития техники коммуникаций приемы списывания получили свое дальнейшей совершенствование, становясь все более изощренными и продвинутыми, особенно на основе мобильных телефонов и интернета.

Предполагается, что *списывание* как проблему в образовательном процессе и как *отражение толерантности* большинства не только студентов, но и преподавателей к этой массовой форме обмана в учебном процессе можно рассматривать с нескольких позиций:

1) как результат рационального и осознанного выбора индивида в конкретных условиях, стимулирующих обман (пониженная мотивация студентов к учебе, низкий контроль со стороны преподавателей и т.п.).

2) списывание как частное проявление стереотипов, обусловленных сложившимися социокультурными традициями, уходящими корнями в дисциплинарное общество (М. Фуко). Списывание в таком случае является следствием отчужденности и дистанцированности от власти. Достигнутый с ее помощью эффект может интерпретироваться как фактор достижения более высокого уровня удовлетворенности по сравнению с кропотливой и длительной подготовкой.

Высокий уровень толерантности к практике списывания обуславливается во многом силой практики *круговой поруки*, по-прежнему активно воспроизводящейся в современной студенческой среде. Известно, что практика круговой поруки берет свое начало еще в крестьянской общине. Сам термин «круговая порука» не только хорошо известен абсолютному большинству студентов (85%), но и рассматривается ими как проверенное и надежное средство выхода из «щекотливых» обстоятельств, будь-то укрывательство прогулов или использование тех же шпаргалок на экзамене. Только примерно каждого четвертого эта традиция раздражает, остальным она либо помогает, либо, по крайней мере, не вызывает отрицательного отношения.

Более подробное рассмотрение практики использования шпаргалок на экзамене показывает, что по сравнению с 2002 г, отношение к ней в 2007 г. стало в целом еще более толерантным. Уже явное большинство (55%) указало, что терпимо относится к использованию шпаргалок со стороны товарищей по учебе, тогда как в 2002 г. таких было 45%.

Дополнительный анализ позволил выявить, что положительное отношение к использованию шпаргалок является следствием не только круговой поруки со стороны коллег по учебе, но и отражением неуверенности в своих ценностных устремлениях списывающих. Выявлено, что чем более важным для студента являются гарантии занятости, чем сильнее стремление стать частью коллектива в представлениях об идеальном месте работы, тем охотнее он признается в том, что ему практика списывания помогает. То есть, ценностные ориентации традиционного характера в представлениях о значимых характеристиках будущего места работы положительно соотносятся с такими же традиционными по содержанию ценностными ориентациями в процессе учебе. Предполагается, что такие проявления традиционности *со знаком минус* являются наиболее сложными для преодоления, поскольку носят характер глубоко укоренившихся в российском обществе культурных стереотипов. Терпимое отношение к ним рассматривается нами как толерантность со знаком минус, как неконструктивная позиция в контексте вызовов модернизации современной России.

Новой, все более укореняющейся в студенческой среде практикой учебной деятельности становится *плагиат в Интернете* при подготовке рефератов и курсовых работ. С этой практикой так или иначе знакомы 90% опрошенных, почти каждый пятый студент рассматривает возможность «скачать» в Интернете необходимую информацию, будь-то готовые рефераты или курсовые работы, рассматривая это как благо цивилизации, еще каждый третий относится к Интернет-плагиату терпимо и только 38% новая практика раздражает.

Из числа специфических практик, проявляющихся прежде всего в элитных вузах, все более массовой становится укрепление ориентации студентов на *отдых в дорогих ночных клубах*. Лишь один из десяти опрошенных в 2002 г. и только 6% в 2007 г. ничего не знал о данной направленности досуговых предпочтений своих коллег. Большинство относится к ней либо терпимо, либо активно использует и считает пози-

тивным фактором учебного процесса. Число последних увеличилось за 5 лет почти вдвое с 9 до 16%. Тем не менее, примерно каждый третий студент относится к данной досуговой практике, все более становящейся повседневной нормой жизни, отрицательно.

Наименьшую поддержку получили те практики, которые сопровождают учебный процесс и являются прерогативой меньшинства. К ним относятся *обособления по этнической принадлежности* студентов, не знали о которых 17%, в 2002 г., и 12% в 2007 г., а большинство знает о данном явлении и относится к нему отрицательно. Примерно каждый пятый в 2002 г. и приблизительно одна треть в 2007 г. считают, что в обособлении студентов по данному показателю нет ничего плохого и к этому можно относиться терпимо. К разряду подобных практик, являющихся характерными для МГИМО, относятся и обособления *по принадлежности к известным фамилиям* и *по богатству*. Первая из них у большинства опрошенных в 2002 г. (57%) вызывала лишь раздражение и находила минимальную поддержку (3%). В 2007 г. уровень раздражения подобной практики снизился до 48%, а поддержки повысился до 6%. В целом можно утверждать, что данная практика является скорее потенциально возможной, чем реально действующей. Заметно повысился за 5 лет и уровень толерантности к такой практике, как обособление студентов по их принадлежности к людям, считающимся богатыми. Заметно меньше стало студентов, ничего не знающих о существовании подобной практики (с 15 до 9%). Если в 2002 г. осуждали подобную практику 52% студентов, то в 2007 г. – уже меньше половины – 49%, тогда относились к ней терпимо 31%, сейчас – 35%. Повысилась и доля студентов считающих, что данная практика может оказывать реальную помощь в учебном процессе (с 2 до 6%).

Итак, наибольшую поддержку в студенческой среде получают практики, непосредственно связанные с выполнением требований и норм учебного плана: сдача экзаменов, написание рефератов и курсовых работ, выполнение заданий по иностранному языку. Такие практики, как использование шпаргалок, плагиат в Интернете, выполнение заданий по иностранному языку на лекциях по другим предметам при сложившихся нормах круговой поруки позволяют обойти формальные этические нормы и предписания, достигая при этом желаемого результата.

Вместе с тем было бы неверным утверждать о поглощенности «индивидуального» (лично значимых качеств, индивидуалистических устремлений) «коллективным» (господством традиций круговой поруки). Как показывают результаты сравнительного анализа, индивидуалистические нормы и ценности всегда оказывались для студентов МГИМО более привлекательными, чем коллективные правила и нормы.

В максимальной степени студенты поддерживают нормы, направленные на выделение из общей среды, подчеркивающие первостепенную роль яркой индивидуальности, формирования личности в противоположность позиции «не высовываться», жить по принципу «как все, лишь бы не хуже других». Большинство студентов придерживается либеральных взглядов на объяснения причин неуспешности людей в жизни (52% в 2002 г. и 56% в 2007 г. выразили согласие с суждением: «Если человеку не везет в жизни, он сам виноват в своих неудачах»).

Уровень поддержки суждений, отражающих коллективистские принципы взаимодействий, в этом плане оказался существенно ниже. Только чуть более одной трети в 2002 г. и ровно третья часть студентов в 2007 г. соглашаются, что конкуренция между коллегами по учебе приносит больше вреда, чем пользы. Но и не согласились с этим суждением примерно столько же студентов, а еще одна треть заняла промежуточную позицию.

Еще меньше студентов поддерживают функционально необходимую для любой организации норму уважения к принятым в учреждении правилам. Поскольку такие правила вырабатываются не в самой студенческой среде, а, как правило, спускаются сверху, то согласие с суждением: «Правила, принятые в учреждении, нарушать нельзя, даже если Вы уверены, что при их нарушении действуете в интересах учреждения» высказали лишь около одной трети от числа опрошенных.

Итак, когда речь идет об отвлеченных от обычной повседневной жизни нормах и ценностях в коммуникациях уровень толерантности к их выполнению снижается. Толерантность повышается в оценках, возвы-

Ключевые слова

самоорганизация, социокультурная динамика, предпринимательство, рефлексивность, неодетерминизм, нелинейность, рациональность, иррациональность, макдональдизация

Keywords

self-organization, sociolcultural dynamics, entrepreneurship, reflexivity, neodeterminism, non-linearity, rationality, irrationality, McDonaldization

шающих качества индивидуальности личности. Как правило, это ценностно-окрашенные либеральные идеалы. Насколько значимое влияние на проявление толерантности студентов оказывают другие социальные группы, близкие и отдаленные от повседневных форм коммуникации? Рассмотрению этого вопроса во многом помогает обращение к содержанию и структуре коллективных идентификаций.

Коллективные идентификации

Для понимания особенностей процесса профессионального самоопределения будущих специалистов-международников, проявлений коммуникативной толерантности важно учитывать влияние общих, характерных для всего трансформирующегося российского общества факторов. К ним, прежде всего, относятся продолжающиеся процессы «ломки» прежних социальных норм и ценностных ориентиров. Утрата, удержание или формирование качественно новых образцов поведения проявляются в социальных идентификациях людей. Отвечая на вопросы, с кем они чувствуют большую близость, легко находят общий язык общения, могут сказать: «Это – мы», а к кому, напротив, испытывают отчуждение, хотя и могут проживать рядом, про кого говорят: «Это – они», люди выражают основные принципы солидарного, или напротив, конфронтационного взаимодействия.

Описание структуры и содержания коллективных идентификаций студентов строилась на основе расширенного метода идентификации (объединялись ответы «часто» и «иногда чувствую близость с данной группой»). Методика измерения коллективных идентификаций студентов была заимствована с небольшими доработками из арсенала методов ее изучения в Центре исследований социальных трансформаций, руководимого профессором В.А. Ядовым, Института социологии РАН[8].

Доминирующие, т.е. характерные практически для абсолютного большинства опрошенных первые пять социальных идентификаций студентов (85% поддержки и более), связаны с основными первичными группами. Это – семья и товарищи по учебе, а также «свои» по взглядам на жизнь и досуговые увлечения ровесники. Диахронность данных не отменила устойчивости пяти ведущих видов социальных идентификаций. В 2007 г. несколько снизилась доля соглашающихся с данными суждениями, но не изменился их рейтинг. Примерно, такая же модель доминирующих социальных идентификаций присуща и россиянам в целом, другим народам, что позволяет рассматривать ее как общецивилизационную модель (Табл. 5).

Вторая по распространенности группа социальных идентификаций, охватывающая от 76 до 85% опрошенных, указывает, прежде всего, на оптимистическую веру в относительно благополучное будущее, что подкрепляется молодостью, ориентацией на себя, свои силы в его достижении. Такая идентификационная направленность существенно отличает будущих дипломатов от населения России в целом, подчеркивает не только возрастные, но социально-статусные особенности анализируемой группы, которую принято относить к «золотой молодежи».

Более низкие по распространенности идентификации этой группы, ранг значимости которых не опускается ниже 11, связаны с большими социальными группам (геополитическими – россиянами, национальными, профессиональными, традициями своего народа в целом).

На срединном уровне – от половины до 3/4 опрошенных оказались идентификационные предпочтения, связанные с локальными общностями (идентификации по достатку, по политическим позициям, уважающими местные традиции, соседями, добившимися успеха) – 60% и элитой обществ.

На периферии идентификационных предпочтений «пассивные» или обывательские социальные группы (те, кто не любит высовываться и те, кто уверен, что от его действий мало что зависит).

Более «чистую» картину значимости отдельных групп дает рассмотрение идентификаций, полученных при жестком выборе (исключении ответов «иногда»). Если ответы расширенного выбора свидетельствуют о распространенности оцениваемых групп идентификаций в сознании, то при жестком выборе скорее показывается их личностно окрашиваемая значимость, делается более осознанный выбор.

Потери от сужения идентификационного поля (разница между ответами «часто» и «иногда») соста-